7. Отчёт об Алтайской духовной миссии за 1881 год // Томские епархиальные ведомости / учредитель Томская епархия. – Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1882. – № 8. – С. 208.

8. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого // Томские епархиальные ведомости / учредитель Томская епархия. – Томск : Типография Михайлова и Макушина, 1891. – № 9. – С. 4–5.

9. Расова, Н. В. Стефан Ландышев – преемник Макария Глухарева на посту начальника Алтайской Духовной Миссии / Н. В. Расова // Макарьевские чтения : материалы XVII международной научно- практической конференции (Горно-Алтайск, 23-24 сентября 2022 г.) / отв. редактор В. Г. Бабин. – Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2022. – 350 с.

10. Смольянкин, И. Записка улалинского отделения Алтайской духовной миссии миссионера священника Иоанна Смольянкинова за 1858-й год / Иоанн Смольянкин. – Москва : Типография В. Готье, 1860. – 6 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/1133179> (дата обращения: 14.07.2023).

УДК 316.722:14

**К вопросу о понятии государства-цивилизации в свете философского наследия
Н.Я. Данилевского**

архимандрит Силуан (Пасенко Никита Васильевич), кандидат богословия
Таврическая духовная семинария,
ФГБОУ ВО «Херсонский аграрный университет»
Россия, г. Симферополь
e-mail: i.siluanpasenko@yandex.ru

**Revisiting the Concept of the State-civilization in the Light of Philosophical Heritage of
N.Y. Danilevsky**

Rev. Siluan (Pasenko Nikita), Archimandrite, Ph.D. in Orthodox Theology
Taurida Theological Seminary, Kherson Agrarian University
Russia, Simferopol
e-mail: i.siluanpasenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу понятия государство-цивилизация из Концепции внешней политики Российской Федерации. В этом контексте последовательно раскрываются варианты интерпретации концепта цивилизации согласно наследию представителей цивилизационного подхода в истории и философии. Акцентировано внимание на возможности развития отдельной цивилизации в рамках одного государства. Подробно изложен вопрос становления русской цивилизации на основании учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах.

Abstract. This paper is devoted to the philosophical analysis of the concept of state-civilization from the Foreign Policy Concept of the Russian Federation. The study consistently reveals the variants of interpretation of the concept of civilization according to heritage of representatives of the civilizational approach in history and philosophy in this context. It emphasizes the possibility of developing a separate civilization within one state. The article also describes in detail the question of the formation of Russian civilization based on N.Y. Danilevsky's theory of cultural and historical types.

Ключевые слова: государство-цивилизация, цивилизационный подход, внешняя политика России, Н.Я. Данилевский.

Keywords: state-civilization, civilizational approach, Russian foreign policy, N.Y. Danilevsky.

Понятие государства-цивилизации является одним из ключевых в современной политике и самоопределении Российской Федерации. Утвержденная в конце марта 2023 года

Концепция внешней политики нашей страны прямо называет Россию государством-цивилизацией³¹. Данный термин призван продемонстрировать культурную целостность и самобытность Российского государства, ценность его духовных достижений и наследия. Однако, как и само понятие цивилизации, он, упомянутый термин, обнаруживает разнообразие определений и толкований, затмевающих ясность фундаментального смысла государства-цивилизации и принципов его формирования. Достаточно упомянуть имена таких выдающихся мыслителей как О. Шпенглер и С. Хантингтон, чтобы проиллюстрировать радикальное отличие подходов в понимании цивилизации.

У Шпенглера цивилизация – это финальная стадия развития культуры, указывающая на ее скорый закат. Она, эта стадия, свидетельствует о закостеневании внутренней жизни общества, об истощении глубинных смыслов, творческих потенций и угасании его духовного пульса [11, с. 163-164]. Знаменитый шпенглеровский двухтомник «Закат Европы», как остроумно замечает один комментатор, есть вердикт о европейской цивилизации, что наступает тупик, «засвидетельствованный с математической точностью». «Судьба поведет в этот тупик согласных, а несогласных – потащит» [7, с. 92]. Выкристаллизовавшиеся цивилизации всегда обречены на гибель и с необходимостью сменяются другими, образуя «картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прехождения органических форм» [11, с. 151]. Шпенглер находит любопытный образ, лаконично вмещающий разницу расцвета культуры и ее упадка в цивилизации. «К культуре принадлежит гимнастика, турнир, агональные состязания; к цивилизации – спорт» [11, с. 168]. Одна из важнейших причин такой метаморфозы – деньги. Можно попытаться продолжить этот ряд и назвать индустрию развлечений как более современный маркер цивилизации. Мир как Диснейленд, по меткому замечанию Ж. Бодрийяра, где «реальное перестало быть реальным», а все ценности превозносятся в миниатюре, «в форме комиксов» [2, с. 21]. Как видно, идеи Шпенглера не были лишены особой проницательности, даже провиденциальности, колоссальной материальной базы, однако вряд ли такая трактовка уместна при описании того смысла, который заложен в отечественной концепции внешней политики России.

У Хантингтона цивилизации определяются как «явно выраженные культуры», которые находятся в постоянном контакте, «столкновении»; они формируют идентификации людей и определяют модели их взаимоотношений [9, с. 15, 49]. «Соперничество сверхдержав, – пишет Хантингтон о XXI веке, – сменилось столкновением цивилизаций» [9, с. 24]. Характерно, что одним из ключевых принципов принадлежности к цивилизации является религиозный фактор. Так, Хантингтон описывает православную, индуистскую, исламскую, индийскую и пять других существующих цивилизаций, в том числе китайскую (конфуцианскую), японскую, западную, латиноамериканскую и африканскую [9, с. 54-60]. Хотя такой подход получил широкое распространение и привлекает к себе внимание современников возможностью практического применения к складывающейся политической картине мира, теория столкновения цивилизаций имеет ряд недостатков. В частности, вызывает вопросы состоятельность упомянутого религиозного критерия как фундамента цивилизации. История засвидетельствовала, что принадлежность к определенной конфессии не всегда гарантирует нахождение по одну сторону баррикад во время реальных конфликтов [13, с. 69-70]. Кроме того, даже в рамках одной мировой религии, например, ислама, может сосредотачиваться множество движений, принципиально отличных друг от друга, и скорее свидетельствующих о различии в цивилизационной принадлежности. Так, например, методология изучения суннито-шиитских отношений не может быть сведена к исторической или догматической плоскости, а предполагает полифакторный анализ [10, с. 74-75] с привлечением политологии, экономики, социологии, права и т.д.

³¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. – URL: publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202303310007 (дата обращения: 14.06.2023).

Примечателен подход в истолковании цивилизации, связанный с проблемой «конца истории». Развившийся в среде американской философской мысли, он видит мир в красках демократической цивилизации и прочих – ее недемократических идеологических противников. Как отмечает Ф. Фукуяма, яркий представитель такого подхода, с распадом Советского Союза за мир вошел в стадию «конца истории», поскольку на мировой арене больше не существует цивилизации (в смысле идеологии), которая бы могла соперничать с либеральной демократией [12, с. 42]. Притом характерно, что американский мыслитель, понимает триумф последней не как итог исторических событий, а вершину «логически последовательного эволюционного процесса» [12, р. XII]. Любопытно, что Фукуяма видит в такой однополярности исполнение прогнозов титанов немецкой классической философии: Гегеля и в меньшей степени – Канта. Первый, как его понимает американский футуролог, предрекал ослабление политической борьбы ввиду остывания интереса к ней в момент воцарения идеалов свободы [12, р. XVIII], второй – надеялся на возможность т.н. «вечного мира» демократических стран-республик [12, р. 58]. Излишне говорить о тенденциозности цивилизационного подхода Фукуямы, который, тем не менее, обладает значительной популярностью. Кроме того, что уже с очевидностью разрушен миф о «конце истории» или однополярности мира³², следует отметить примечательный факт. В своей работе «Конец истории и последний человек» Фукуяма не цитирует Гегеля прямо, а приводит интерпретацию его мыслей, содержащихся в разных произведениях, главным образом – «Философии истории» и «Философии права». Автору статьи так и не удалось найти точной цитаты немецкого идеалиста, которая бы отражала его убежденность в конце истории через исчезновение политической борьбы.

Попытку выразить отечественное понятие государства-цивилизации обнаруживает недавняя работа российского историка В.Э. Багдасаряна «Концепция патриотического воспитания молодежи». Он рассматривает цивилизацию как специфическое интегративное мировоззрение, выстраивающееся за счет последовательной самоидентификации и самоопределения личности. Показательно, что возвышение до уровня единой цивилизации, как утверждает Багдасарян, включает в себя преодоление таких ступеней как:

- 1) Семейная идентичность;
- 2) Идентичность «малой Родины»;
- 3) Профессиональная идентичность;
- 4) Гражданская идентичность;
- 5) Цивилизационная идентичность [1].

Трудно не согласиться, что государство-цивилизация в первую очередь предполагает мировоззренческое единство, единомыслие, культурную и духовную связь людей. Однако, как видно, концепция Багдасаряна не предполагает отдельного раскрытия религиозной самоидентичности, ее места в общей структуре мировоззрения граждан государства-цивилизации. Между тем, как представляется, это один из ключевых вопросов: каким образом возможно признание единства людей различных вероисповеданий? В личном разговоре с В.Э. Багдасаряном автору удалось установить, что в понимании историка цивилизационная идентичность включает религиозную. Тем не менее позволим себе отметить, что данный вопрос требует прояснения: какое место занимает религия в формировании цивилизации, поскольку цивилизационное и религиозное самоопределения не всегда тождественны. Иначе придется признать, что государство-цивилизация должно обладать определенной и конкретной религией, чего нельзя сказать о концепции внешней политики Российской Федерации.

Приведенные выше различные концепции цивилизационного подхода позволяют наметить основные вопросы к понятию государства-цивилизации. Во-первых, следует установить, что предполагает цивилизация как таковая. Каким образом возможно отличить группу людей или государство от сообщества, достигшего ступени цивилизации? Во-вторых, важно

³² Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 года // Официальные сетевые ресурсы Президента России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 2.09.2023).

выявить, что составляет основу цивилизации, ее сущность; какие факторы являются для нее определяющими. Наконец, в-третьих, как соотносятся культуры отдельных этносов в рамках одного государства-цивилизации. За счет чего может происходить сознательное и ненасильственное объединение в одну цивилизацию групп людей, обладающих самобытными устоями, верованиями, традициями? Чтобы ответить на поставленные вопросы, обратимся к наследию отечественного мыслителя, одного из основоположников цивилизационного подхода в истории и философии, автора концепции о культурно-исторических типах, Н.Я. Данилевского.

С точки зрения Данилевского, цивилизация есть «раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип» [3, с. 105-106]. Обстоятельное описание этой идеи содержится в основном историко-философском труде отечественного мыслителя – «Россия и Европа», впервые опубликованном в 1869 году. Данилевский соотносит цивилизацию и государство как общее с частным и в качестве иллюстрации обращается к проблеме интересов различных сообществ. У людей «существуют особенные обязанности не только к государству, – пишет философ, – но и к той высшей единице, которую мы называем культурно-историческим типом» [3, с. 108]. На фоне подобной калибровки заметно выделяется вопрос, послуживший поводом к исследованию Данилевского – конфликт Европы и России как «культурно-исторических единиц». Масштаб этих типов видится философу соотносимым. Притом для Данилевского такая мера носит характер естественный и конкретный – культурно-исторический тип составляет реальный и предельный интерес группы людей или сообществ, обуславливающий «пожертвование частных целей общим» [3, с. 110]. Отечественный мыслитель буквально открывает свою книгу примечательным примером подобной консолидации народов внутри цивилизации.

В 1864 году Пруссия и Австрия посягнули на южные земли Дании. Два первоклассных государства, как пишет Данилевский, с военным потенциалом в миллионную армию «нападают на Данию, одно из самых маленьких государств Европы – ... невоинственное, просвещенное, либеральное и гуманное» [3, с. 1]. Речь идет о завоевании датской территории Шлезвиг-Гольштейн, поныне входящей в состав ФРГ. «Ни оскорбление нравственного чувства, – замечает Данилевский, – ни нарушение так называемого политического равновесия не возбуждают негодования Европы... – и раздел Дании спокойно совершается» [3, с. 2]. Совершенно иная политика проявляется в тот же исторический период в отношении Российской империи во время Крымской войны 1853-1856 гг. Англия и Франция объявляют войну России на стороне Османской империи, в конфликт вовлекается Сардинское королевство. «Откуда же это равнодушие к гуманной, либеральной Дании и эта симпатия к варварской деспотической Турции?» [3, с. 3], – задается вопросом Данилевский. Данный пример призван проиллюстрировать примечательное наблюдение отечественного мыслителя: интересы культурно-исторического типа могут возвышаться над государственными, притом на одном полюсе цивилизация представлена конгломератом империй и стран, а на другом – совпадает с государством. Также примечательно другое: в упомянутом случае взаимодействие культурно-исторических типов несводимо к конфликту религии или политических устройств. Англикане и католики выступают по одну сторону баррикад с мусульманами против православных; конституционная монархия вместе с бонапартистской диктатурой и султанатом – против абсолютной монархии.

Поиск ядра культурно-исторического типа приводит Данилевского к утверждению пяти законов, которые регламентируют становление цивилизации. Согласно первому, самобытный культурно-исторический тип возникает на основе отдельного языка или группы языков, который обнаруживает непосредственное сродство носителей цивилизации. Второй закон требует, чтобы носитель или носители цивилизации пользовались политической независимостью. Третий закон говорит о самобытности и непередаваемости культурно-исторического типа. Четвертый закон утверждает, что полнота цивилизации обретается в разнообразии этнографических элементов, ее составляющих и буквально объединенных «в федерацию или политическую систему государств» [3, с. 68, 69]. Наконец, пятый закон предполагает хроно-

логию развития цивилизации: продолжительный рост и относительно короткий период плодоношения, за который раз навсегда истощается жизненная сила [3, с. 69].

Применительно к России как к государству-цивилизации два первых закона поднимают вопрос о лингвистической палитре народностей, а также об их независимости. Данилевский отвечает, последовательно отстаивая свою позицию, что формирование русского государства осуществлялось за счет свободного расселения народа «при полном отсутствии исторических наций, которые надлежало бы разрушать или попирать ногами» [3, с. 22]. Появлению России способствовало занятие пустынь, ненасильственная ассимиляция племен, не заключающих в себе «зачатков исторической жизни», и защита народов, утративших «национальную самостоятельность» [3, с. 22]. Нельзя не вспомнить в этом контексте историка В.О. Ключевского, отмечавшего специфику мирного расселения русского народа – оно не в последнюю очередь осуществлялось за счет монашествующих. Личности преподобного Сергия Радонежского, иноков Киево-Печерского монастыря свидетельствуют, что эта колонизация была не религиозной экспансией, а практикой отшельничества – обители анахоретов на незаселенных землях обрастали новыми поселениями. Как писал Ключевский, «ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась верхневолжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина» [6, с. 76]. «Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез» [3, с. 22], – продолжает мысль Данилевский. Его идея заключается в том, что русское государство стало общим домом для отдельных народностей, под крышей которого они обрели независимость и общее средство общения.

Два первых закона перекликаются с четвертым – на современном этапе Россия буквально осуществляет единство коренных народов своих территорий посредством упомянутой Данилевским формы государственного устройства – федерации. Подобно Шпенглеру, отечественный мыслитель усматривает стадии созревания общества, когда, как он пишет, осуществляется «переход из этнографического состояния в государственное», а из государственного – в цивилизованное или культурное. Сходство со шпенглеровской концепцией прослеживаются и в пятом законе – цивилизация после своего рассвета растрчивает накопленный потенциал ради цели своего существования. Одновременно, Данилевский не видит в истощении цивилизации тупика или заката, однако констатирует «предел цивилизации», за которым следует мерное поступательное существование, выразимое в «застое» [3, с. 113]. Любопытна идея русского философа в том, что рассвет цивилизации никогда по содержанию не повторяется, но каждый культурно-исторический тип привносит в мир собственное самобытное достижение. Так, идеал красоты является достоянием греческой цивилизации – все, что в сфере эстетики появлялось и появляется после античности, так или иначе сопоставимо с искусством древних эллинов, но не превышает его по своему достоинству. Для европейской цивилизации пределом развития стала наука; для еврейской – высшие религиозные идеи, Откровение; для Рима – гражданское право [3, с. 116].

Идея самобытности достижений культурно-исторических типов подводит к содержанию третьего закона Данилевского – цивилизации не могут перениматься народами друг у друга. Возможно лишь приращение или прививание этноса к культуре другого, но полное восприятие невозможно. Так, неудачей закончилась попытка эллинизации ойкумены Александром Македонским, а воцарение в Риме германских варваров обернулось периодом темных веков – столетия потребовались на возникновение Каролингского ренессанса. «Я старался показать, – подытоживает Данилевский свои размышления над законами формирования цивилизаций, – что до сих пор развитие человечества шло не иначе, как через посредство самобытных культурно-исторических типов, соответствующих великим племенам, т.е. через посредство самобытных национальных групп» [3, с. 119].

Представляется важным заметить, что Данилевский заложил принцип цивилизационного подхода – он соотнес понятие культурно-исторического типа с категорией лингвистико-этнографических семейств, коих насчитывал семь. «Пять из них, – пишет мыслитель, – вы-

работали более или менее полные и совершенно самостоятельные цивилизации» [3, с. 130]. Шестое семейство – кельтское, несостоявшаяся цивилизация ввиду утраты политической самостоятельности. Она передала этнографический материал другим цивилизациям. Седьмое семейство – славянское, выразителем которого стало независимое Русское царство. Как видно, определение той или иной народности в качестве цивилизации, т.е. носителя культурно-исторического типа, заставляло русского философа ответить на вопрос, в чем заключается выход народного достояния за рамки локальной значимости, чтобы стать «всечеловеческим». Если Россия является государством-цивилизацией, что составило момент ее становления как выразителя культурно-исторического типа? И если каждая цивилизация по-своему раскрывала потенциальную «идею человечества» [3, с. 121], что является отличительной чертой России?

Следует отметить, что Данилевский видел в России второй половины XIX века лишь формирующуюся цивилизацию. Она находится в поиске выражения самобытного культурно-исторического типа и в случае неудачи обречена стать этнографическим материалом для других цивилизаций. Такие неудачи, как считал Данилевский, постигли Польшу и Чехию, которые пошли по пути восприятия германо-романского культурно-исторического типа. Они оказались «бесплодными» ввиду внутреннего конфликта с собственными славянскими корнями [3, с. 132]. Смысл их примера – губительность поиска цивилизации за пределами собственных культурно-исторических основ, произвольное прививание к посторонним, инородным. Нельзя не заметить, что несмотря на свою логическую последовательность и теоретическую выверенность, такая точка зрения предполагает определенную оценку исторических путей Российского государства, в том числе негативную, за что подвергалась критике. В частности, одним из самых серьезных противников историко-философского взгляда Данилевского был В. С. Соловьев. Религиозный мыслитель видел в работе «Россия и Европа» смягченную форму национального эгоизма – буквально «спокойное и трезвое, систематическое и обстоятельное изложение этой идеи в ее общих основах и в ее применении к России» [8, с. 85-86]. Полемика со славянофильством, которое усматривал во взглядах Данилевского Соловьев, не является предметом настоящей статьи. Здесь важно лишь указать на теоретизацию учения о культурно-исторических типах, в удачности которой не отказывал даже именитый философ. В этом контексте стоит упомянуть и буквально «единомышленника» Данилевского – Ф.М. Достоевского, – который писал о книге «Россия и Европа»: «Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов» [5, с. 30]. Вместе с известной фразой, что «Россия и Европа», должна стать «будущей настольной книгой всех русских надолго» [5, с. 30], Достоевский делал важное замечание, что не встретил в работе Данилевского мысли об «исключительно-православном назначении» России для человечества [4, с. 147]. Это косвенно свидетельствует о равноудаленности теории о культурно-исторических типах от славянофильской философии, а также от монокофессиональности русской цивилизации. Сам Данилевский формулировал эту идею следующим образом: «Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитее, взятые в отдельности, ибо все это в себе заключает» [3, с. 135].

Сообразно с мыслью о том, что Россия является становящейся цивилизацией, Данилевский не посягает на тайну того, какую же потенцию, новую сторону всечеловеческой идеи она в себе скрывает. Однако ввиду траектории исторического пути Российского государства философ намечает его значение в будущем. «Удел России, – пишет Данилевский, – удел счастливый: для увеличения своего могущества ей приходится не покорять, не угнетать, как всем представителям силы, жившим доселе на нашей земле: Македонии, Риму, Арабам, Монголам, государствам германо-романского мира, – а освобождать и восстанавливать; и в этом дивном, едва ли не единственном совпадении нравственных побуждений и обязанностей с политической выгодой и необходимостью – нельзя не видеть залога исполнения ее великих судеб, если только мир наш не жалкое сцепление случайностей, а отражение высшего разума, правды и благодати» [3, с. 436].

Трудно найти более точное выражение для выводов, чем вышеупомянутые слова Данилевского. Государство-цивилизация является понятием, которое гармонично отображает не только внешнюю сторону сосуществования народов исторической России, но и указывает ее естественное и поступательное становление. Представляется, что идея определения нашего Отечества как цивилизации заключается именно в этом: в отражении природного и мирного возрастания родственных народов, их духовного наследия и взаимообогащения. В этом смысле обращенность России к внешнему миру как государства-цивилизации есть не манифестация «национального эгоизма», а призыв к добрососедскому сотрудничеству и совместному культурному становлению. Одновременно, как свидетельствует Данилевский, силы для обозначенного становления и духовного возрастания Россия как цивилизация призвана черпать из недр своего многонационального народа, ее культурно-исторического типа – в этом залог ее настоящего и будущего благосостояния.

Библиографический список

1. Багдасарян, В. Э. Концепция патриотического воспитания молодежи. Противодействие антироссийским историческим мифам : презентация / В. Э. Багдасарян // Победный май : научный семинар (Москва, 12–15 мая 2023 г.). – Москва : Музей Победы, 2023. – Слайд 17.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции : монография / Ж. Бодрийяр. – Москва : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Санкт-Петербург, 1895. – 628 с.
4. Достоевский, Ф. М. Письмо А. Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : [в 30 томах] / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1986. – Т. 29. – Кн. 1 : Письма. – С. 144–147.
5. Достоевский, Ф. М. Письмо Н. Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : [в 30 томах]. – Т. 29. – Кн. 1. Письма / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 29–33.
6. Ключевский, В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В. О. Ключевский // Развитие личности : научный журнал / учредитель и издатель Московский педагогический государственный университет ; гл. редактор В. С. Мухина. – Москва, 2014. – № 4. – С. 60–80. – ISSN 2073-9788.
7. Свасьян, К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу / К. А. Свасьян // Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер : [в 2 томах]. – Москва : Мысль, 1998. – Т. 1. – С. 5–122.
8. Соловьев, В. С. Россия и Европа / В. С. Соловьев // Соловьев, В. С. Собрание сочинений / В. С. Соловьев : [в 10 томах]. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1912. – Т. 5. – С. 82–147.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
10. Чикризова, О. С. К вопросу о методологии изучения суннитско-шиитских взаимоотношений / О. С. Чикризова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения : научный журнал / учредитель Российский университет дружбы народов / гл. редактор Д. А. Дегтерев. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2015. – Том 15. – № 3. – С. 74–82.
11. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер : [в 2 томах]. – Москва : Мысль, 1998. – Т. 1.
12. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – New York : The Free Press, 1992. – 418 p.
13. Kupchan, Ch. The end of the American era: U.S. foreign policy and the geopolitics of the twenty-first century / Ch. Kupchan. – New York : A. Knopf, 2002. – 395 p.